

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

18+

ПЕРОМ ПО ШАПКАМ

КНИГА ВТОРАЯ
ЖИЗНЬ БЕЗ ПОЛИТИКИ

Евгений Бузни

**Пером по шапкам. Книга
вторая. Жизнь без политики**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бузни Е. Н.

Пером по шапкам. Книга вторая. Жизнь без политики /
Е. Н. Бузни — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Вторая книга из серии "Пером по шапкам" называется "Жизнь без политики", хотя какая же может быть жизнь без политики? Эта книга является сборником размышлений писателя о литературе, русском языке и о нашей жизни с критическим подходом ко всему, что можно и должно, по мнению автора, исправлять.

© Бузни Е. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

"Мы никогда ни от кого не отделялись"

Предлагаем интервью Евгения Бузни с председателем правления Московской городской организации Союза писателей России, профессором Литературного института им. Горького, писателем Владимиром Ивановичем Гусевым.

На вопрос: "Кем вы себя считаете в литературе?" ответил: – Помните, как Сатин говорил? "Что такое человек?... Это не ты, не я, не они... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном!" Так и я могу сказать, что я не прозаик, не критик, не поэт и никто, но я и прозаик, и критик, и поэт, я – литератор в духе новейшего времени.

Вопрос: *Мы готовим новую газету. Надеемся, что она будет жить долго. Хотелось бы, чтобы первая полоса открывалась проблемной темой о союзе писателей, которая волнует каждого, и не только писателя. Вы не могли бы рассказать немного о том, как получилось, что образовалось два союза писателей, как они разделились?*

Ответ: Вопрос несколько странный. Дело в том, что этот союз, в котором мы с вами состоим, существовал и существует. Мы никогда ни от кого не отделялись. Дело происходило в 1991 году, я был в Ялте, когда произошли события 18-19 августа, после чего началась буза в союзе писателей. Демократические писатели во главе с Евтушенко, Игорем Виноградовым, Черниченко и так далее требовали вообще всех нас пересажать в тюрьму и порасстрелять. Всё это у нас записано и документально подтверждено.

Вопрос: *Вы тогда возглавляли союз?*

Ответ: Да, тогда я уже год, как возглавлял московскую писательскую организацию. Приехал я в Москву третьего сентября. На перроне меня встречали человек пять, и проводница не успела ещё поднять подножку, как меня выгребли из вагона, сказав, что нужно срочно ехать на собрание.

Войдя в зал, я прошёл на трибуну и сказал о том, что мы делиться не собираемся, это наш союз, наша московская организация. И мы всем залом проголосовали тогда третьего сентября за сохранение московской писательской организации. Точно не помню, по-моему, было 537 голосов "за" и 20 голосов "против". Так и продолжает существовать Московская организация.

Между тем развернули свою деятельность Черниченко, Виноградов и, кстати, наша секретарша, работавшая у нас на зарплате, Татьяна Луковникова. Она была ответственным секретарём творческого объединения переводчиков, и она возглавила движение за образование нового союза. Техническую работу выполняла она, получая всё это время у нас зарплату.

Сначала объявили о своём отделении от нас творческие объединения критиков и переводчиков. Потом они организовали отделение каких-то отдельных писателей. Но для выхода из союза нужно было писать личное заявление об этом. Таких по сей день у нас имеется не более двухсот.

Вопрос: *А сколько всего было в московской писательской организации?*

Ответ: В то время в нашей организации было около двух тысяч человек. Я говорю около, так как всё время есть движение – кто-то умирает, кого-то принимают.

После выхода от нас критиков и переводчиков объявили о существовании второго союза во главе с Черниченко, который говорил, что у них там три тысячи членов. Но когда мы меняли у себя билеты, то все эти люди получили новые билеты у нас. Они говорят, что состоят и там и там. По нашему уставу это не положено. По их уставу, наверное, они могут состоять в двух союзах. Но мы не можем их исключить, так как юридически, если человек не проштрафился, не совершил каких-то проступков, то это его личное дело – быть или не быть в союзе. Мы можем исключать только по личному заявлению.

Как мы относимся к этой ситуации с расколом? Да никак. Мы не раскалывались. Многие, вышедшие было критики и переводчики, потом вернулись, заявив, что они только сказали о выходе, но фактически не выходили. И действительно, юридически они не имели права выйти, как организация. Могли только по личным заявлениям выйти из союза. И сейчас они себя считают членами творческого объединения нашего союза.

Вопрос: *То есть у вас сейчас в планах работы существует объединение критиков?*

Ответ: Конечно. Есть творческое объединение критиков. Многие критики очень активно работают. Творческое объединение переводчиков мы расформировали не тогда, а совсем недавно, поскольку там членов объединения было не достаточно для юридического оформления, не было нужной квоты. Мы переводчиков разбросали по другим объединениям. Кто ушёл в критики, кто в прозу, кто в поэзию.

Ну, как нам назад объединяться? Я вижу только один выход. Пусть люди, которые писали заявление о выходе, пишут теперь заявление о входе. И, честно говоря, мы ещё посмотрим, кого брать, а кого не брать назад. Вот эти человек двести, которые вышли, ладно, из них человек сто пятьдесят мы возьмём назад. Но там есть человек тридцать-сорок таких отпетых, как Черниченко, которые требовали нас порасстрелять и посадить в тюрьмы. Почему мы должны, как ни в чём не бывало, принять их назад? Мы вообще-то люди добрые, но не Иисусы Христы.

Вопрос: *Вы говорите "должны". Но, может быть, они и не хотят?*

Ответ: Во всяком случае, пока от них заявлений нет. Хотя многие люди, которые говорили, что состоят в том союзе, пришли и преспокойно поменяли у нас билеты, подписанные мною. Там написано на печати "Московская городская организация Союза писателей России". И многие из тех, кто говорит, что состоят в том союзе, получили вот этот самый билет.

Вопрос: *А как вы думаете, произойдёт всё-таки объединение в один союз в России?*

Ответ: Видите ли, с российским союзом вопрос стоит гораздо острее. В России два союза. Прежних российских членов везде преобладает, но, тем не менее, почти во всех городах два союза. Например, в Воронеже сорок пять членов нашего союза и девятнадцать членов того союза.

Но вообще я настроен скептически относительно слияния. Есть российский союз, у которого нет никакого имущества. Есть российский наш союз, у которого есть кое-какое имущество. И при слиянии мы должны делить это имущество с ними. Тут вопрос остаётся открытым.

А по московской организации положение такое. Есть союз, возглавляемый теперь Риммой Козаковой, а не Черниченко. Римма Козакова считает, что пора сливать союзы и делить наше помещение на два союза. Какой смысл его делить? Совершенно непонятно. Оно было присуждено нам. Есть такое незыблемое теоретическое правило, что имущество, прежде всего, неделимое принадлежит исходной организации. А мы исходная организация. Мы никогда ни от кого не отделялись. Те, кто вернутся к нам, будут пользоваться всем имуществом на равных правах.

Вопрос: *Что вы скажете по поводу литературного фонда?*

Ответ: Есть у нас единый Литфонд. Все союзы (а есть ведь ещё и независимые, которые, где им надо, говорят, что они независимые, а входят вообще-то в наш союз) имеют единые права в Литфонде. Московский и российский Литфонд. А есть ещё и международный. Все говорят, что его надо ликвидировать, а он не хочет ликвидироваться. Что касается нас, то мы не отделялись и всегда были за единство.

Вопрос: *А какой всё-таки смысл для писателей, находиться в том или ином союзе? Какая разница?*

Ответ: В Москве – никакой. В Москве, практически, объединение критиков состоит у нас в союзе, они заседают под нашей эгидой. Союз переводчиков мы разбросали по другим объединениям. Поэты и прозаики сроду никогда не делились. И ответственные секретари всех творческих объединений все эти годы, в том числе и в 1991 году, у нас на зарплате.

Союзу, которым руководит Римма Козакова, мы выделили две комнатки у себя. Они в них работают. Мы их не трогаем. Они нас не трогают.

Вопрос: *Они платят за аренду помещений?*

Ответ: Нет, мы им дали бесплатно, хотя вообще-то нужно было бы брать аренду. Но мы не берём.

Вопрос: *А как члены союза писателей платят взносы? Отдельно по союзам? Небольшой взнос, но всё-таки?*

Ответ: Все платят нашему бухгалтеру. Какое-то небольшое количество людей платят их бухгалтеру.

Вопрос: *Значит, есть разделение?*

Ответ: Есть, но очень маленькое. Почти все, кто говорят, что входят в их союз, платят взносы нашему бухгалтеру. У нас даются официально квитанции, всё оформляется. А там платят без оформлений, как говорится, на энтузиазме. Как я понимаю, женщина, принимающая у них взносы, даже не числится бухгалтером.

Вопрос: *Тем не менее, они получают какие-то суммы и расходуют на что-то?*

Ответ: Ну, а какие там суммы? Расходуют на канцелярию и что-то ещё. Но мы не интересуемся. Отдельно, так отдельно. Юридически они отдельная организация. За ними нет никаких денег и никакого имущества.

Вопрос: *Но у нас существует ещё подмосковная писательская организация. Как она образовалась?*

Ответ: Она создана вот почему. Это произошло при перерегистрации. Когда мы перерегистрировались, юристы потребовали от нас, чтобы мы регистрировались, как городская организация в соответствии с административным делением. Есть городская администрация города Москвы, и есть областная администрация Подмосковья. Как мы зарегистрировались в качестве городской организации, то у нас сразу повисли в воздухе те, кто живут в области. Поэтому мы создали под нашей эгидой подмосковную организацию во главе с Котюковым. Там сразу стали создаваться ещё какие-то объединения в Подмосковье, но это уже их дело. Любые три человека могут создать свою, какую хотят, организацию. Официальная региональная российская подмосковная организация – это наша во главе с Котюковым. Она под нашим патронажем. В этом объединении сейчас около ста человек.

Вопрос: *Но, тем не менее, мы в своей газете будем проводить линию на то, что союз должен быть один.*

Ответ: Я повторяю, мы, разумеется, за единство. Мы сами никогда ни от кого не отделялись и никого, главное, не отделяли. Вопрос только, почему мы должны делить с ними что-то? Если они отделились, пусть делят своё.

Вопрос: *У меня такой ещё вопрос. Во время, так называемого, деления, Черниченко и его компания называли себя демократами. А вы, стало быть, ими не являлись. Как вы понимаете это слово "демократ"? Кто к нему относится?*

Ответ: В печати и везде, где бы мы ни упоминали в последние годы слово "демократ", мы всегда брали его в кавычки. Потому что без кавычек демократы, конечно, мы. А кто же ещё? Русская демократическая традиция какая? У меня папаша из крестьян, а мать из прачек. Так что же, я не демократ, а Березовский демократ? Это довольно смешно получается. Березовский, значит, миллиардер: он демократ, а Гусев, который из крестьян – не демократ.

Вопрос: *Такое у них понятие о демократии. А почему они считают, что они демократы, а вы нет?*

Ответ: Да какое их дело? Слово "демократ" они дискредитируют. Его даже применять без кавычек боязно теперь. Вот сказать, что я демократ, так всех запутать. Потому мы избегаем слова "демократ", а говорим "патриот" без кавычек. Слово "патриот" более понятное. Настолько всё запутали, что теперь, если скажешь "я демократ", так ещё полчаса надо

объясняться. Я слово "демократ" понимаю так, что люди из народа – это и есть демократы. А народ – это трудящиеся слои населения. Как говорили классики? Правы те, кто трудятся. Кто трудится, тот и есть народ. А кто из народа, тот и есть демократ.

Вопрос: *Нельзя забывать, что слово "демократия" происходит от слова "демос", что означает "народ".*

Ответ: Демос, конечно. Есть, правда, ещё и более обидное слово, означающее то же самое, это – плебс. Но плебс он и есть плебс. А демос – это демос, почтенное слово.

Вопрос: *Да, но когда мы говорим о демократии, мы говорим, прежде всего, о том, что это служение народу.*

Ответ: Да, служение народу. Именно народ стал почтенным словом. А плебс – это римские бездельники, которые жаждут хлеба и зрелищ. А демос – это народ, который работает. Березовского демократом никак назвать нельзя, хотя именно они почему-то называют себя демократами. Поэтому мы используем слово "патриот".

Вопрос: *Но когда у нас были монархисты, например. Они тоже считали себя патриотами. Они любили родину. Так что это несколько другое. Это более широкое понятие.*

Ответ: Конечно, есть широкие понятия слова. Но есть значения, которые сейчас, в текущем варианте употребляются. В широком смысле, конечно, и монархисты были патриотами. Белое движение всё было патриотическим. И красный был патриотизм. Но тут нужно разбираться. В нынешней ситуации демократ и патриот приобретают конкретный смысл. С этим надо считаться.

«Московия литературная», 20.06.2000

Невольный свидетель

Когда-то в давние времена я писал такие строки об этом городе:

*Ялта тоже часть России,
только, может быть, над ней
больше слёз пролито синих
стаей серых журавлей.
И порой у моря кажется
в самых лунных вечерах -
голубые слёзы катятся,
рассытаясь на камнях.*

Нет-нет, я не собираюсь отнимать у украинцев кусочек земли. Речь идёт не об этом. Просто не так давно мне довелось побывать вновь в этом благодатном краю, о котором кто только не писал. Разве что тавры, жившие здесь, на южном берегу Крыма, до нашей эры, и именем которых Екатериной Второй была названа целая Таврическая область, не оставили после себя ни поэм, ни песен, посвящённых Ялте, но и то лишь по причине неумения их слагать и записывать.

Сама императрица России в Ялте не побывала, хотя и совершила в 1787 году знаменитое путешествие в Крым, во время которого написала своей просвещённой державной рукой назидательные стихи князю Потёмкину, связанные с её пребыванием в Бахчисарае:

*"Лежала я в беседке ханской.
В середине мусульман и веры мусульманской;
Против беседки той построена мечеть,*

*Куда всяк день пять раз имам народ влечёт;
Я думала заснуть, и лишь закрыла очи,
Как уши он заткнув, взревел изо всей мочи...
А мне мешает спасть среди Бахчисарая
Табачный дым и крик... Не здесь ли место рая?
Хвала тебе, мой друг! Занявши здешний край
Ты бдением своим всё вяще укрепляй".*

Екатерине тогда не было известно местечко, названное некогда греческими моряками "Ялос" (в переводе означает "берег"). Легенда рассказывает, что именно это слово закричали моряки затерявшегося в штормовом море судна, когда сквозь туман ими вдруг увиден был спасительный берег. Впоследствии это слово трансформировалось в "Ялту".

Статус российского города ей был присвоен через полвека с лишним после путешествия Екатерины в Крым, то есть аж в 1843 году, хотя к тому времени здесь уже в буквальном смысле слова процветал с 1812 года знаменитый сегодня Никитский ботанический сад, одним из отделений которого была школа виноделов в урочище Магарац, выросшая во всесоюзный научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства "Магарац", головной в отрасли бывшего Советского союза. Тогда же в Ялте работал широко известный ныне институт климатологии имени Сеченова. В те времена богатые люди из больших городов России приезжали сюда лечиться воздухом. Тогда и появляется набережная, по которой гуляли самые знаменитые люди своего времени.

Я люблю этот город, ставший для меня с детства второй родиной. Здесь учился в школе, носился по улицам в комсомольских заботах, ходил степенно, работая в научно-исследовательском институте "Магарац", и весьма редко гулял в качестве простого отдыхающего.

Хорошо помнится то время, когда у нас ребятишек на слуху были ещё старые названия. Мы любили, например, пройдя через хорошо известный всем сегодня ухоженный облагороженный Приморский парк, подниматься по крутым тропинкам на холм Чукурлар, где ещё в диком состоянии росли стражами глубокой старины древние можжевельники, а среди камней, будто цепляясь за них, или может наоборот, удерживая своими корнями, выползали к солнцу колючие кусты шиповника и ежевики, в основном и привлекавшие наше внимание. Позже это место огородили забором и построили здесь санаторий "Россия" с замечательным парком, окружающим спальные и лечебные корпуса.

В то время в природе не существовало мощного жилого массива, названного прозаически десятым микрорайоном, который заметен нынче издали букетом железобетонных зданий, голо возвышающихся на самом подходе к горному лесному заповеднику. Зато хорошо все знали название Аутка, в зелёных садах которой до сих пор прячется знаменитый всему миру домик Чехова, построенный Антоном Павловичем во времена, когда всем известная набережная Ялты называлась Александровской. Теперь набережная, по которой некогда проезжала коляска царя, называется набережной имени Ленина. Создатель советского государства никогда в Ялте не отдыхал, но у входа в Приморский парк стоит обелиск с текстом декрета, подписанного Лениным, провозглашающим курорты местом отдыха и восстановления сил рабочих и крестьян. Так что имя набережной было присвоено не случайно.

Впрочем, имена политических лидеров часто исчезают с карт, смываемые волнами политических коллизий, вопреки историческому значению. Писателям, художникам и другим деятелям культуры бывает легче. Бульвар Пушкина в Ялте не изменил своего имени после свержения царизма, тогда как Милютинская улица вскоре прекратила своё существование, будучи переименованной в Санаторную улицу.

Но менялись не только названия улиц и районов маленького городка. Существенные изменения происходили в самой жизни жителей курорта. В первые послевоенные годы часто можно было услышать призывные голоса бродячих артельщиков или торговцев, выкрикивавшие нараспев: “Ножи-и точи-ить”, “Кастрю-ю-ли пая-ать”, “Ке-е-роси-ин”, “Мо-о-ло-ко-о”. Тогда, бывало, заходили в дома старьевщики, и хозяйки долго торговались отдавая всё же за бесценок хоть и постаревшие, но пригодившиеся бы ещё вещи, если бы не нужда в немедленных деньгах, на которые можно было купить дополнительную еду в трудные годы восстановления хозяйства страны.

На углу улиц Севастопольской, по которой действительно некогда шёл весь транспорт из Севастополя, и Гоголя, не менявших свои названия с прошлого века, в маленьком полуподвальном помещении долгие годы сохранялась сапожная мастерская. Даже когда в городе торжественно открылась государственная фабрика по пошиву и ремонту обуви, мы, жители Севастопольской и других близ лежащих улиц, по-прежнему несли в починку летние сандалии, босоножки и осенние ботинки старому мастеру пока он то ли умер, то ли закрыл свою мастерскую, переставшую быть конкурентной более производительным государственным цехам.

Пришло время, когда мы стали забывать о существовании нищих на улицах, старьевщиков заменили пункты вторичного сырья и приёма стекло тары, бродячие торговцы перестали будить по утрам своими зычными голосами. Государство приняло на себя все функции обслуживания. Жизнь налаживалась.

Судьба бросала меня во многие города и страны, но всякий раз я возвращался в любимый город, оставаясь её жителем и вечным поклонником, пока всё та же судьба не поселила меня в Москве, позволив теперь приезжать на свою родину к родным и близким да на могилы предков ни с того ни с сего в качестве иностранного гражданина с международным паспортом. Но это нисколько не изменило моего отношения к любимому городу, жители которого по-прежнему считают меня своим, читая мои редкие теперь публикации в местной газете.

Однако, реже бывая в Ялте, мне, может быть, острее видятся все те изменения, что происходят в ней сегодня. И я приглашаю читателя пройти вместе со мной по улицам некогда знаменитого международного курорта, поговорить с его жителями.

Особенностью Ялты, сделавшей её столь заманчивой для отдыха, является то, что она словно прекрасный бриллиант, упавший в объятия гор, хранящих его от ветров севера, но оставляющих открытым южному теплу. И был бы бриллиант и по сей день прекрасен, переливаясь всеми цветами радуги на южном солнце, если бы не туманили его природную красоту ядовитые дымы небольших, но фабрик сувениро-подарочных изделий, головных уборов, рыбокомбината и тысяч автомобилей, выхлопывающих свои газы прямо в те самые лёгкие, которые люди надеются здесь вылечить от болезней. И замечательная гряда Крымских гор, которая прячет Ялту от внешних влияний, в то же время препятствуют выходу дымов и газов из города, где они оседают всё больше и больше.

Я тоже приехал в январе подлечить свои лёгкие и профессор научно-исследовательского в прошлом всесоюзного значения медицинского института имени Сеченова Ярош, занимающийся вопросами лечения с помощью климата, рекомендует мне приходить в институт для принятия процедур не коротким путём через Поликуровский холм мимо мемориального кладбища, а пешочком сначала вдоль моря, минуя старую часть города, называвшуюся когда-то Воронцовской слободкой, с сохранившимися до сих пор слободскими улицами, и через Масандровский парк, воздух которого, как установлено учёными, является и сегодня уникальным по своим лечебным характеристикам. То есть дышать им ежедневно полезнее для организма, чем пить лекарства.

Мне, конечно, был известен этот изумительный по красоте парк, охраняемый в настоящее время как памятник садово-парковой архитектуры начала прошлого столетия. Но я ничего не знал о его специфических свойствах. И теперь я с гораздо большим удовольствием стал

посещать его, восхищаясь ветвями-бивнями гигантских секвой или мамонтовых деревьев, нежной зеленью голубой ели, могучим ливанским и спорящим с ним по красоте атласским кедрами, пышными древовидными можжевельниками, поражаясь кустам кизильника, пылающего пучками красных ягод, и вечнозелёной калины, усыпанной брошками белых цветов.

Да разве можно спокойно пройти мимо зарослей дикого бамбука, так напоминающего африканские джунгли, или привычного для Крыма кизила, распустившего свои бледно-розовые лепестки в январе месяце? Или вдруг я набрёл на целую плантацию подснежников, среди праздничной белизны которых неожиданно оказывались яркие, как огонь, ягоды иглицы. Благоухал ароматами лекарственный розмарин, привлекающий к себе внимание разбуженных медовыми запахами пчёл.

Скворцы, синицы, сойки, дикие голуби да перелетающие с дерева на дерево алеутские белки сопровождали меня повсюду, то обгоняя, то отставая и постоянно ловко прячась от объектива моей камеры.

Однако каждый день приходя в этот удивительный мир веками почти не меняющейся жизни, мне приходилось возвращаться в город, наполненный в этот мой приезд всяческими неожиданностями. Порой мне казалось, что совершенно не знаю этого города – он то ли внезапно вернулся в далёкие сороковые годы моего детства, то ли совершил другую метаморфозу, исказив любимый мною образ.

Проснувшись утром в квартире моего брата, в отличие от меня никогда не уезжавшего надолго из Ялты, я неожиданно услышал знакомый до боли с детских лет крик сильного женского голоса: "Мо-о-ло-ко-о!". Вскочив с кровати, подумал, что приснилось прошлое. Но голос опять запел: "Мо-о-ло-ко-о!".

Выглянул в окно, в которое с высоты пятого этажа как всегда вливалась сначала синевая моря, а потом уж в глаза бросалась зелень кипарисов, под которыми я и увидел миловидную девушку, начинавшую торговать, но не с ручной тележки с бидоном, как лет сорок пять тому, а вытащив бутылки с молоком, банки со сметаной и кули с творогом из стоявшей рядом легковой машины иностранной марки.

Нет, квартира моего брата не на окраине города. От неё ровно пять минут ходьбы до набережной. И магазины с молочными продуктами расположены со всех сторон. Тем не менее, в магазине, может быть, ещё нет того, что вам надо, или оно уже кончилось, а тут подвезли прямо к дому – никуда ходить не надо. Правда, у продавца с машины нет ни медицинского сертификата, ни гарантии качества, так это уже ваша забота – верить или проверить.

Это в прошлые уже времена государство решило взять на себя ответственность за здоровье каждого, и запретило несанкционированную торговлю. А сейчас демократия в том заключается, что каждый сам за себя в ответе. Потому ты сегодня один на один с торговцами, которых тысячи и тысячи, как в знакомой детской игре "Веришь – не веришь", когда тебя могут обмануть или нет, а твоя задача угадать. К сожалению, не каждому удаётся быть хорошим отгадчиком, и узнают об этом чаще после отравлений или других неприятностей.

Каждый день я спускаюсь с Ленинградской улицы и прохожу мимо знаменитого прежде кинотеатра Сатурн. Помню, каким событием было его строительство, и как поразили обывателей маленького городка своим широкоформатным экраном. Какие чудные кинофестивали проводились, и как трудно бывало достать билеты не только на зарубежные, но и на наши советские фильмы. Сейчас уже почти нет любителей кино, и потому в Сатурне разместился ночной клуб, а в подземных переходах и на досках объявлений можно увидеть приглашение девочкам с такого-то времени и по такое-то приходить бесплатно, а в более позднее с некоторой оплатой. Девочки знают, зачем их приглашают.

За спиной кинотеатра, подальше от глаз, мусорные ящики. На них никто бы не обращал внимание, если бы не жалкие фигуры нищих, копошащихся в поисках съестного и того, что выброшено, но может ещё иметь ценность для продажи. Нищий стало профессией. У опыт-

ных собирателей имеются специальные длинные железные крючки, которыми легко ворошить мусор и поддевать понравившееся на первый взгляд. Охотники за отбросами зорко следят издали за невысокими домами без мусоропроводов в ожидании появления очередного жильца с пакетом мусора и тут же направляются к месту сброса, если рядом нет опасного, более сильного конкурента. Здесь своя, особая жизнь со своими специфическими правилами.

В прежние времена люди, которым хотелось подзаработать, не шастали по помойкам, а пытались частным порядком делать пёстрые галстуки или добывать со дна моря раковины, чтобы продавать их многочисленным туристам. Эта деятельность тогда не только не поощрялась, но и запрещалась. Теперь же всё разрешено, однако радость это доставляет далеко не всем.

Каждое выгодное торговое место, прежде чем будет кем-то занято, должно быть хорошо оплачено либо государственным службам, что, разумеется, понятно, либо тем, кто причисляет себя к бессмертной мафии или, проще, к рэкету, что уж совсем непонятно по прежним советским меркам. За все удовольствия надо платить, но не всем эти удовольствия по карману, вот и плетутся немощные, бывшие защитники отечества, ставшие пропойцами или просто моральными инвалидами, к свалкам да контейнерам с мусором.

На набережной меня окликает старый товарищ Юра Лапшин. Мы когда-то учились в одной школе, а потом и факультет иностранных языков одного института закончили. Встречи наши впоследствии бывали случайными и очень похожими одна на другую. Почему-то всегда они происходили на набережной. Одетый с иголочки, явно благополучный и счастливый, Юра широко улыбался мне навстречу, мы жали радостно друг другу руки и начинали делиться впечатлениями.

Слушая восторженные рассказы моего друга об очередных путешествиях в Америку, Австралию и на другие континенты, я начинал немного завидовать тому, как он легко перечисляет города и страны, которые повидал или собирается посетить в ближайшее время с туристическими группами в качестве переводчика. У него не было никаких амбиций в плане роста по служебной лестнице. Его устраивала возможность видеть мир во всём его многообразии.

В ответ на громкий смех друга после упоминаний тех или иных смешных эпизодов я тоже рассказывал о себе, и теперь он начинал слегка завидовать, так как в отличие от него, мне приходилось бывать в других странах по несколько лет и потому узнавать их больше, чем он в туристическом плане, напоминающим цветной калейдоскоп.

Услышать голос Юры в этот раз было особенно приятно – мы давно не виделись. Но теперь передо мной стоял несколько пополневший, посолдневший мужчина без прежнего лоска и сияющего счастьем лица. И разговор получался каким-то минорным:

– Привет, Юра! Рад тебя видеть. Ну, как дела?

– Да ничего, помаленьку.

– Всё носишься по миру?

– О чём ты говоришь? Когда это было? Кто теперь ездит? Сидим на месте. Уж лет десять, как не езжу.

И друг мой без особой радости сообщил, что заведует отделом "Интуриста", но туристов из-за рубежа с каждым годом становится всё меньше, что, естественно, никого не радует.

"Интурист". Название этой фирмы в Ялте у всех вызывало уважение перед её могуществом. Эта фирма могла всё. Лучшие гостиницы у "Интуриста". Самые красивые автобусы у "Интуриста". Больше всего денег у "Интуриста". Это был монстр, с деятельностью которого связывалось настоящее и будущее города. Только благодаря ему планировалось построить десятки высотных гостиниц по всему южному берегу Крыма. Работать в этой фирме заведующим отделом было пределом мечтаний для многих выпускников факультетов иностранных языков вузов.

Мой друг сегодня явно был не в восторге. Жизнь повернула медаль другой стороной. О строительстве новых высотных гостиниц сейчас смешно говорить. Заполнить бы клиентами те, что есть. А как, если Ялту давно вычеркнули из списков международных оздоровительных курортов, если общий развал последних лет развалил и такую громадину, как "Интурист", сотрудники которого в свободное от работы время, а его становится с каждым годом всё больше, приторговывают на улицах семечками, бусами из янтаря и другими безделушками, пестрящими разноцветьем на набережной?

Год десятилетней давности, возможно, не являлся самым показательным для Ялты, поскольку уже тогда начал раскручиваться перестроечный процесс, повлёкший за собой мнимые демократичные выборы и реальные раздоры в "Интуристе", влиявшие на уменьшение числа принимаемых туристов, но в тот год всё же более шестидесяти процентов всего объёма туродней приходилось на иностранных туристов, дававших городу и всей стране живую валюту. Сегодня этот процент упал до четырёх с половиной, то есть почти в пятнадцать раз. Такое резкое снижение притока иностранного капитала от одного только туризма. А что же мы потеряли от остального?

Набережная имени Ленина. Главная прогулочная улица некогда всесоюзного курорта напомнила мне даже в зимнее время восточный базар. Сувенирная мелочь разложена по зелёной суконной скатерти, прикрывающей собой невзрачный деревянный столик. Небольшие акварели сомнительного достоинства развешены кое-как на фанерном щите, прислоненном к стволу великолепной крымской сосны, изумлённо раскинувшей игольчатые свои ветви над головами новых прожигателей жизни. Картины больших размеров поставлены для обозрения потенциальных покупателей на скамейки, предназначавшиеся прежде для отдыха у моря.

Под сенью разлапистого кедра стоит пожилой мужчина в потёртом временем пиджаке – предсказатель судьбы по гороскопам, а рядом, поджав под себя ноги, примостив на асфальт небольшую узкую дощечку, чтобы коленям было не так холодно, сидит в ожидании подающих, кутаясь в старенькое серое пальтишко, сгорбленная судьбой женщина. Чуть поодаль напротив стоит в неизменной позе с протянутой рукой другая попрошайка. Трудно сказать, у кого из них быстрее устают ноги, так как появляются они здесь ежедневно и часами почти не сходят со своих мест, лишь изредка развлекая друг друга разговорами, когда нет подающих. Но вообще в центре набережной нет-нет, да и найдётся сердобольный человек, достающий из кармана мелочь.

Иногда к этим женщинам подбегают мальчишки и решают какие-то вопросы. У них свой метод добычи денег. Они без тени стеснения обращаются к тому или иному прохожему и произносят одну и ту же фразу:

– Дайте на хлебушек, пожалуйста, ради Христа!

Я вспоминаю, как в прежние годы такие же вот ребята из детского интерната, приезжали из Ливадии по воскресеньям в центральный книжный магазин на набережной, дружно вытаскивали под ленкоранские акации аккуратные алюминиевые столики, раскладывали на них литературу и продавали её. Тогда это называлось пропагандой книги. Пионеры предлагали отдыхающим тратить деньги на духовную пищу. Чаще всего это была краеведческая литература о Ялте и её окрестностях. Интернат получал премии от книготорга, а дети – радость оттого, что оказались полезными и что на заработанную премию интернат будет лучше оборудован.

Детский энтузиазм сдавать макулатуру, выискивать брошенный металлолом, таскать тяжёлые пачки книг, чтобы тем самым помогать людям, ушёл и заменился стремлением получить деньги себе в карман любым путём, от чего полшага до преступлений. Волнует ли это кого-то в правительстве?

С грустью иду по красавице-набережной. Пальмы распахнули свои пожелтевшие веера листьев. Помню, как прежде их всегда укутывали на зиму в холсты, бережно охраняя от редких морозов. Вчера шёл снег и хоть не сохранился ни на деревьях, ни на земле, но вряд ли он

нравился теплолюбивым южным деревьям. Впрочем, снег перенесли и распустившийся нежно розовыми цветами декоративный миндаль и ярко желтеющий голоцветковый жасмин, украшающие ранним цветением зимнюю Ялту.

Большой книжный магазин давно убрали с набережной, заменив его дополнительными закусочными и питейными заведениями. Дом книги построили в районе бывшего центрального рынка. Планировалось сделать этот участок города культурным центром. Здесь же открыли институт менеджмента, в здании которого есть помещения для курсов современного танца, обучения музыке и прочих платных мероприятий. Бесплатно, как принято сейчас говорить, можно найти лишь сыр в мышеловке. Только взрослые люди теперь могут вспоминать, где раньше располагался Дворец пионеров с десятками бесплатных кружков для детей, где находились профсоюзные клубы торговых работников, строителей, рыбаков, учителей, в которые приходили провести свободное время и проявить свои творческие способности рабочие и служащие разных профессий.

Дом книги перестал быть настоящим культурным центром, в котором проводились встречи с писателями, поэтами и музыкантами. У входа в книжную обитель расположились прямо на земле десятки торговцев старой домашней утварью, ржавым инструментом, болтами, гайками. Мест на рынке не хватает, да и дорого. Вместо предполагавшегося культурного центра образовалось торговое захолустье.

На набережной книги продаются лишь на выносных прилавках, как когда-то делали дети, но теперь это в прямом смысле бульварная литература, то есть продаётся на бульварах для лёгкого чтения без мысли и души. Редко встретишь здесь умную книгу. Всё больше читиво с вредными советами да дразнилками на нашу жизнь. Это не может не удивлять. Гораздо понятнее видеть на набережной обезьяну, одетую в зарубежную пуховку, которая сидит в приличном кресле и дразнит публику. Это её профессия. На то она и обезьяна, чтобы кривляться да вредничать. За то и деньги получает от прохожих её хозяин.

Одиноким старым аккордеонист, присевший на раскладном стульчике, пользуется меньшим успехом и привлекает к себе внимание разве что голубей, прохаживающихся у самых ног, да кричащих над головой чаек, которых как прежде кормят налету любители тесного общения с птицами.

Как и в давние времена на набережной играют в шахматы, а рыбаки пытаются поймать рыбу, с завистью поглядывая на плавающих поблизости уток нырков, коим значительно легче удаётся выловить добычу из морской глубины. Это можно было видеть в Ялте во все времена.

Но вот прохожу по улице Франклина Рузвельта. Моё внимание привлекает красочное объявление на двери магазина-салона "Селена". Многие годы мне доводилось заходить сюда в бывший магазин научно-технической книги, затем иностранной и педагогической литературы. Теперь это салон. Никогда раньше мы не видели ничего подобного на дверях магазинов. В объявлении говорится о том, что пятнадцать его работников проводят политическую акцию и бастуют два дня, так как им не дают работать в связи с тем, что один из их сотрудников является депутатом Ялтинского городского совета от блока НЭП.

К моему удовольствию из закрытого магазина, наконец, вышел человек средних лет с серьёзным озабоченным выражением лица. Представившись ему в качестве московского журналиста, я только тогда смог получить от него ответы, из которых узнал, что это и есть тот самый депутат, Ванин Владимир Иванович, которому не дают возможность работать. Он оказался не рядовым сотрудником салона, а его генеральным директором. Суть проблемы придётся осветить подробнее, ибо в ней, как в капле воды, отражается до боли знакомая сегодня всем ситуация.

В Ялте сложил свои полномочия и, подав в отставку, подался за границу вслед за разыскиваемым уже прокурором города бывший городской голова Дискин. Городской Совет, не

долго горя и долго не думая, используя свои конституционные права, избирает временно головой города секретаря Совета Александра Калюся. Но президент Украины, пользуясь своим правом, предоставленным ему конституцией, назначает исполняющим обязанности городского головы Владимира Марченко. В то же время из Киева в Ялту в сопровождении беркутов (отряд типа российской Альфы) направляется представительная комиссия во главе с вице-премьером Украины Билоблочким для всесторонней проверки деятельности всех служб горисполкома.

Александр Калюсь, памятуя, очевидно, московские истории с посиделками в Белом доме в 1991 году Бориса Ельцина, а потом в 1993 году депутатов государственной думы, заперся в кабинете со своими немногочисленными единомышленниками, выступил по радио и разбросал листовки с призывами о поддержке. Но он не знал, что в Москве подобные шоу осуществляются по хорошо продуманному заранее сценарию и потому приносят успех их авторам. Здесь всё происходило спонтанно, так что отряду спецназа ничего не стоило под предлогом поиска будто бы спрятанной в здании бомбы выдворить зарвавшегося государственного служащего какого-то несчастного девятого разряда. И пусть Калюсь выкрикивал лозунги из окна о предлагаемой помощи народу, услышаны они почти никем не были, так как в городе меньше всего помышляли о помощи существующей власти.

В эти дни уже почти два месяца бастовали учителя и медики. Школы и детские сады закрыты. На двери единственной в городе детской поликлиники я увидел страшное, на мой взгляд, объявление: "С 25 бессрочная забастовка". То есть с этого числа неизвестно сколько времени дети не будут лечиться ни в каком состоянии, пока не попадут в больницу, где тоже бастуют, а потому родители должны платить бешеные деньги, если хотят вылечить своё чадо.

Бастовал и торговый люд рынка в связи с появлением нового частного владельца торгового центра, установившего повышенные налоги с каждого торгового места для покрытия расходов нового босса. Теперь нужно больше платить ему, платить рэкету, а на какие же деньги самим жить? Вот и закрыли все вместе точки и вышли с плакатами на площадь.

Да что там рынок? Захожу в обычный продуктовый магазин. Продавцы стоят в сторонке, судачат, не обращая на меня никакого внимания. Я удивлённо спрашиваю, почему они не интересуются, не хочу ли я что-нибудь купить, ведь это их дело. Но одна из продавщиц весьма резонно ответила, что пусть сначала им выплатят долги по зарплате, а тогда они будут интересоваться покупателями. Возразить было нечего.

В подвешенном состоянии давно уже находилась знаменитая с начала века Ялтинская киностудия, на лакомую территорию которой в центре города давно претендуют частные предприниматели. Не снимаются фильмы. Не арендуются помещения и техника другими студиями. Платить зарплату нечем не месяцы, а годы. С болью в сердце узнал, что один из моих друзей, бывший звукооператор, выпустивший не один десяток фильмов, бывший главный инженер киностудии, теперь возит по городу на своей не такой уж новой легковушке какого-то коммерсанта. Его ли это дело – выпускника ВГИКА? Зато другие полупрофессионалы снимают полуэротические фильмы и распространяют их полулегальным способом за большие деньги. Ялтинская киностудия с почти вековой историей теперь на грани закрытия.

Аналогичное можно рассказать о рыбокомбинате, фабриках и других учреждениях города. На той же набережной ко мне навстречу бросилась моя бывшая сотрудница и почти со слезами стала умолять забрать её к себе на любую работу, чтоб только уехать из Ялты, где не только государственные, но даже частные компании могут не заплатить за работу, ссылаясь на банкротство или другие причины.

Так кто же в такой ситуации станет поддерживать местные власти? Но такие люди, оказывается, нашлись. В их числе мой собеседник, генеральный директор салона Владимир Ванин. Он был в числе сторонников Александра Калюся. И, как теперь рассказывал мне у двери магазина, именно этот факт послужил причиной гонений на его салон. А гонения заключались в

том, что в его отсутствие в магазин стали рваться люди в форме, заявляя о своих полномочиях на проверку.

Директор магазина Елена Рудик тут же позвонила своему генеральному в горсовет, тот по цепочке в налоговую инспекцию, где у него были друзья, и те вежливо сообщили, что никого к нему не посылали. Стало быть, проверяющие были из Киева.

Пустить их, конечно, в другой раз можно было бы, но именно в этот момент в помещении магазина находились пачки книг, которые будто бы когда-то кто-то принёс для продажи. Книги не были проданы и их якобы собирались сдать в макулатуру. Но ведь посторонним проверяющим так не объяснишь: не поймут, подумают, что на книгах хотели заработать левые деньги, а потому этих проверяющих просто не пустили в салон и объявили забастовку на два дня.

Я далёк от мысли решать кто прав, а кто виноват в этом маленьком несчастном салоне несчастного городка. Бывшие прокурор и мэр города, как и секретарь Совета Калюсь, были арестованы и началось следствие. Дело суда определять степень виновности или невиновности каждого, если сам суд не берёт взятки. Жители же Ялты убеждены в том, что их знаменитый во всём мире курорт с его огромными потенциальными возможностями зарабатывать на отдыхе других является лакомым кусочком для многих мафиозных структур, которые и борются между собой всеми способами, не гнушаясь захватов заложников, угроз и убийств.

Встречаюсь со старым другом, директором большого магазина. Чуть не с первых дней работы молодого тогда человека наблюдал за его передвижениями по служебной лестнице торговли. Его стремление к справедливости и честности в работе была удивительной. Зная это, задаю весьма щекотливый вопрос:

– Неужели можно сегодня честно работать в магазине?

На это получаю откровенный рассказ отчаявшегося человека.

– Ты знаешь, это совершенно исключено. Вот представь себе: мы своим коллективом выкупили магазин. Иными словами, платим за аренду помещения. Товары нам привозят челноки. За всё городу платим аккуратно налоги, а они очень даже немалые. Но налоговая инспекция всё равно замучила проверками. Работать было просто невозможно. Почти каждый день приходили проверять, что продаём, по каким ценам и так далее.

Надо признаться, что в магазине всегда можно к чему-либо придаться, если очень хочется. А кому это приятно? Так что ради сохранения магазина и спокойной относительно работы пришлось идти к одному начальнику и прямо спросить, хватит ли ему ста долларов в месяц, что бы нас оставили в покое. Этого оказалось достаточным, и теперь я заранее знаю, если кто-то ко мне идёт, и дёргать перестали. Хотя нарушать, конечно, нарушаем. Ведь если не будешь продавать левый, то есть не учтённый товар, не заработаешь на уплату налогов, ремонты, отмазку от рэкета.

Кому-то очень хотелось отнять у нас помещение магазина. Предлагали уйти по-хорошему, уговаривали за деньги, потом били меня прямо на улице палками по ногам. Мне удалось заметить нападавших, сказал своим людям, что повыше, те пообещали разобраться, и пока меня не трогают. Так что не очень сладкий хлеб сегодня торговля. Совсем не то, что было раньше.

Этот рассказ напомнил мне информацию о войне между криминальными структурами, прочитанную в журнале "Новый Крым". Вот некоторые из опубликованных досье:

Александр Ткачёв ("Сахан"), 1951 года рождения. Возглавлял самую мощную в Крыму преступную группировку, распространявшую контроль не только на большую часть Крымского полуострова, но и на часть Северного Кавказа и Ростовской области. Убит в ноябре 1992 года.

Виктор Башмаков, один из криминальных авторитетов Крыма. Руководил вместе с братьями крупнейшей группировкой, контролировавшей большую часть Крыма. Его машина была расстреляна киллерами в мае 1994 года.

Евгений Поданев, первый в СССР обладатель "чёрного пояса" по каратэ. Лидер крупнейшей севастопольской мафиозной группировки. Создатель христианско-либеральной партии. Убит выстрелом в голову на поминках Виктора Башмакова в кафе "Калинка" в 1994 году.

Христианско-либеральная партия, созданная Евгением Поданевым в 1993 году, насчитывала 168 тысяч членов. На учредительном съезде в Ялте присутствовал известный в СНГ "вор в законе" О. Кантаришвили. После смерти Поданева руководство партии подверглось настоящему отстрелу. Был смертельно ранен С. Сергиенко, убит М. Корчелава, застрелен М. Рулёв, после чего партия заявила о прекращении своей деятельности.

Константин Савопуло, лидер группировки "Греки", после нескольких покушений был убит 17 октября 1995 года выстрелом из пистолета в собственной машине, остановившейся у светофора на красный свет.

И здесь же в журнале даётся другая страшная по содержанию информация:

"Согласно данным СБУ, в Крыму в 1996 году в местные органы власти были избраны 44 человека "в разной степени связанные с преступной системой".

По свидетельству заместителя главы СБУ А. Беляева, 60% капитала в Украине находится в руках криминальных структур.

По оценкам СБУ, 90% фирм Украины находятся под влиянием преступных группировок, 60% мафиозных кланов имеют коррумпированные связи в разных структурах власти и управления..."

Эта информация подтверждала рассказ моего друга.

Не успев отойти от впечатлений картины захвата здания исполкома силами правопорядка, я неожиданно стал свидетелем другой ситуации борьбы с криминалом.

Я начал спускаться с площади, на которой лет тридцать назад была автостанция, а сегодня размещается пивбар, как вдруг внимание привлёк чей-то громкий властный приказ:

– Наручники!

К сожалению, в этот момент с собой не было фотоаппарата. Но, может, это и хорошо, ибо блюстители закона в такие минуты не любят направленные на них объективы и не всегда спокойно реагируют на их обладателей.

Передо мной на земле неподвижно лицами вниз лежали несколько человек, а рядом с автоматами в руках и чёрными масками на лицах стояли здоровяки, готовые в любую секунду усмирить вздумавшего подняться или пошевелиться арестованного.

В течение часа любопытные могли наблюдать издали, как среди распластанных на земле тел ходили начальники с погонами и в штатском, кого-то поднимали с земли и снова укладывали, кого-то уводили и приводили назад. Сновали служебные машины, стопоря иногда весьма интенсивное на этом участке города движение транспорта. В стороне, неподалеку от въездных портовых ворот, почти рядом с таможней, стояли большегрузные крытые машины.

Чуть позже я узнал, что в этот день прибыло иностранное судно, снующее челноком между берегами Крыма и Турцией. Предполагалась операция по транспортировке крупной партии наркотиков или другого контрабандного товара.

Никогда в прежние годы жизни мы не только не видели, но и подумать о подобных эпизодах в жизни нашего городка не могли. Теперь я оказался невольным свидетелем мероприятия, становящегося обыденным явлением повседневной жизни. Именно так, поскольку через день, проходя мимо здания главпочтамта, вынужден был вплотную столкнуться с оцеплением милиции, охватившим самое людное в летнее время место – игровые площадки, то бишь качели, карусели, автодром. Теперь здесь не арестовывали, а сносили незаконно возведенное кем-то из новых в центре площади здание под предполагавшееся пищевое заведение типа на шумевших ресторанов фирмы Мак-Доналдс.

Неподалеку от этого места, у морского причала с выходом прямо на набережную красуется великолепное, сверкающее на солнце первозданной белизной, прогулочное судно со

странным названием на английском языке "Хокус-покус", что в переводе на русский означает "фокус-покус", то есть надувать в смысле обманывать.

Мне рассказали, что белый корабль в зимнее время стоит у причала, выполняя роль ночного клуба. И однажды танцующую ночную публику посетили рэкетеры с оружием, заставили всех лечь на пол и собрали с присутствующих дань в размере двух с лишним тысяч долларов. Такой стала жизнь в некогда тихой Ялте.

Около пятнадцати лет назад мне довелось принимать участие в пресс-конференции с французской делегацией, остановившейся в гостинице "Ореанда". Я задал французской женщине довольно простой вопрос, поинтересовавшись, какие основные различия она видит между жизнью в Ялте и во Франции. К общему удивлению женщина вдруг заплакала, отвечая:

– У вас в Ялте я гуляла ночью по городу и не волновалась, что со мной что-нибудь случится, а в Париже боюсь вечером выйти из дома. Вы счастливые люди – вы можете жить спокойно.

Мы позавидовали рекламной роскоши запада, решив сами обогатиться, но вместо этого потеряли свое спокойствие во многих вопросах, а богатство за годы перестройки так и не нажили.

На нижней набережной у самой воды на виду у плавающих почти у ног диких уток и носящихся над головами чаек мальчишки тщетно пытаются поймать какую-нибудь захудалую рыбку. Их пока не очень интересуют пункты обмена валюты, которых на одной набережной чуть не с десяток. Для них рыбалка ещё удовольствие, а не средство наживы. Хотя многие родители были бы не прочь получить рыбку, пойманную в качестве дополнительного питания к скудному рациону, позволяемому семейным бюджетом, ужатым в последние годы до предела.

Набережная, как и сотни лет назад дышит морским озоном. Я возвращаюсь в институт имени Сеченова для получения очередного назначенного врачами укола. Одним воздухом, к сожалению, здоровье не поправишь.

Вместе с лекарством и одноразовыми шприцами, которые обязан приносить сам, несу милой медсестре букетик первых подснежников. Оксана удивительно делает уколы. Вы ощущаете лёгкий шлепок ладони, но не замечаете, как игла вошла в тело. Девушка стоит за спиной, терпеливо ожидая пока лекарство медленно расходуется по мельчайшим сосудикам и не торопясь осторожно подаёт поршень шприца вперёд, чтобы не причинять никакой боли. Да, это техника, но она вызвана любовью к людям.

Я прихожу, когда нет очереди на процедуры, и потому у нас есть время поговорить. Оксана очень молода и потому что ли очень смущается и краснеет, рассказывая о себе.

Окончила медицинское училище и стала работать в городской больнице медсестрой. Но не выдержала и ушла на меньшую зарплату в институт.

Ах, если бы дело было в работе. Её девушка не боялась и готова была отдать всю себя больным страдающим людям. Ведь для того и училась, чтобы спасать, помогать, выхаживать. Но в больнице к ужасу поняла своё бессилие. Знаний хватало. Опыт приобретался быстро. Но волновало то новое, что неотвратимо вошло в жизнь и чему не учили преподаватели.

В каких лекциях рассказывалось, в каких учебниках объяснялось, что делать медицинскому работнику с тяжело больными, когда их привозят родственники и, сдав на руки врача, бесследно исчезают? Бывало это и в прежние времена, да только тогда в больницах и бельё постельное всегда стиралось и было чистым, и питание диетическое было соответственно болезни, и лекарства бесплатные в ассортименте для лечения имелись, а потому и врачи думали не столько о своей зарплате, сколько о состоянии больного, за жизнь которого они несли ответственность перед отделом здравоохранения и клятвой Гиппократ

Новые времена поменяли плюсы на минусы, но об этом не успели рассказать учебники. Что делать медику, если больные теперь сами должны доставать себе лекарства на деньги, которых, как правило, нет? Чем помочь, когда из-за предельно низкой зарплаты почти нет в боль-

нищах нянечек и некому подать судно в постель лежащему больному, терпящему нужду, почему он не выдерживает и, если не умирает от чрезмерных усилий, то простыни необходимо стирать, а и это делать сегодня, увы, некому, когда не приходят родственники?

Беспомощный больной иногда с трудом добредает самостоятельно до туалета в коридоре и, догоняемый смертью, вернуться уже не в состоянии. Одному, другому помочь можно, когда увидишь, но всем и всегда – сил не хватит.

Юная медицинская сестра, с большими изумлённо голубыми глазами, воспитанная на примерах Даши Севастопольской и Наташи Ростовской, не выдержала увиденной правды нынешнего времени и ушла из больницы.

Здесь, в медицинском научно-исследовательском институте, к ней приходят на уколы, переливать кровь и другие процедуры больные, у которых тоже много проблем, но которым Оксана может помочь своим мастерством, добротой, нежностью. Это и позволяет девушке с радостью приходить на работу, хоть и платят за неё меньше. Её душа не успела очерстветь, и ясность глаз не замутилась туманом чистогана.

Почти то же самое я мог бы рассказать о многих врачах и сёстрах пульмонологического и кардиологического отделений института. Полтора месяца меня крутили, вертели, слушали и наблюдали, приковывали к различным аппаратам, массировали спину и простукивали грудь, а я вслушивался в сердца, вчитывался в мысли моих спасителей.

– Будете жить, – говорили мне они весело.

Я благодарил их и думал, а кто же поможет им, замечательным труженикам Ялты, пережить легче это трудное время грабежей, убийств, мафиозных насилий, безденежья и безработицы, время стремления к алчности и отхода от любования истиной красотой человеческих душ? Кто поможет вернуть хотя бы часть из того доброго, что было в моей старой Ялте?

Впрочем, дорогой читатель, надеюсь, тебе понятно, что я говорил не только о Ялте, но и о красавице Москве, в которой живу сегодня? Какая между ними в этом смысле разница? Да никакой.

**«Московия литературная», 21.08.2000 «Воспоминания о Ялте в Ялте»
«Литературная газета», 20.08.03 «Угасший праздник»**

Окститесь, господа «шолоховреды»!

Нет, в моём слове «шолоховреды» отсутствует опечатка. Под этим словом я имею в виду тех горе критиков, которые вновь и вновь берутся за творчество неподъёмного им писателя Михаила Шолохова не с тем, чтобы разобраться и помочь другим понять, а лишь с одной целью навредить писателю, а заодно и читателю, поднимая вновь и вновь старую песню о том, что роман «Тихий Дон» написан не Шолоховым, а кем-то другим.

Окститесь, господа! Сам-то я не верующий и никогда не крестился, но не завидую большим писателям и не пытаюсь опорочить их имена, если не знаю, какой гений их осенил на великое произведение. А ведь «Тихий Дон» удостоен, в числе других признательных наград, и Нобелевской премии, причём не за антисоветизм, как, например, небезызвестный «Архипелаг ГУЛАГ», а за мастерство исполнения и эпохальную значимость произведения. Самому же автору не «Архипелага», а «Тихого Дона» до конца дней своих приходилось доказывать это самое авторство именно по причине огромного мастерства, которое многие не захотели ему – молодому тогда – простить, а потому и не верили.

Но прошли годы. Да, не могли найти рукопись романа и сочинялись версии одна другой хлеще. Искали в соавторы кого-нибудь поприличнее, с точки зрения хулителей. Не нашли. Зато, к счастью, нашлась-таки сама рукопись. К счастью, что нашлась, но к несчастью, что после того, как сам автор ушёл из жизни. И большие специалисты прочли рукопись, и под-

твердили они, что рука Шолохова несомненна. Правда, немало ещё тайн в вопросе, почему рукопись столько лет не находилась, почему обнаруженная случайно в семейном архиве аж в 1984 году была передана в государственный архив лишь через 16 лет, но это вопрос другого порядка, на который с предельной ясностью и почти полностью ответил Виктор Кожемяко в газете «Правда», № 92, 2000 г.

Меня сегодня интересует другое – почему в газете «Орловский Вестник», № 28, 2000 Владимир Самарин вновь возвращается к теме авторства «Тихого Дона», теперь уже пытаюсь доказать, что именно опубликованные страницы рукописи свидетельствуют о плагиате. Окститесь, господин Самарин! Сколько же можно выдумывать?

С Вашего позволения, я тоже занимался сличением рукописи с публикациями на предмет установления авторства, но другого писателя и другого романа, чьи судьбы схожи с историей «Тихого Дона» в том, что произведение тоже стало всемирно известным, а его автора обвиняли в плагиате. Вы, конечно, догадались, что я имею в виду не Шекспира, которого до сих пор донимают критики по тому же поводу, а нашего советского писателя Николая Островского и его незабываемый роман «Как закалялась сталь».

Любопытно, что авторство как Островского, так и Шолохова особенно яростно опровергали за рубежом. Но если это понятно было в те послереволюционные годы, когда Советскую власть очень не любили за пределами нашей Родины, и потому они старались хаять всё, что можно, а любой успех подвергать сомнению, то совершенно непонятно, почему наши соотечественники сегодня всё ещё пытаются лить воду на их мельницу, хотя уже и разрушена страна социализма, и можно было бы, казалось, успокоиться. Ан нет, находятся и сегодня щелкопёры, коим то ли хочется ради славы лягнуть знаменитого предшественника, либо из боязни, что его великое произведение поможет возродиться прежнему строю.

Мне посчастливилось заниматься биографией и творчеством Николая Островского. Это было очень не просто, ибо все, кто был близок к писателю, боялись, что я подобно многим упомянутым выше щелкопёрам хочу пролить очередной ушат грязи. Но я поставил перед собой совсем иную задачу – узнать истину. Безумно рад был убедиться в том, что роман «Как закалялась сталь» был написан, точнее преимущественно надиктован слепым, прикованным к постели, парализованным, но ясно мыслящим Николаем Островским.

Работать пришлось много, и одному бы справиться не удалось. Помогали коллективы музейных работников в Москве, Сочи, Шепетовке. Узнали много принципиально нового из того, что не было известно широкой публике. В том числе, пришлось сверять и рукописи, выполненные добровольными секретарями Островского. Оказалось, что они во многом не соответствуют опубликованному варианту ставшего знаменитым романа «Как закалялась сталь». Почти треть романа вообще не была опубликована. В собрании сочинений Николая Островского, выпущенного издательством «Молодая гвардия» в 1989 г., мы поместили все страницы рукописи, ранее изъятые из публикации.

Почему я об этом столь подробно рассказываю? Потому, что Вы, даже не видя всей рукописи романа «Тихий Дон», а лишь некоторые его опубликованные ксерокопии, начинаете подвергать сомнению авторство романа на том основании, что «Тасование глав, пожалуй, самый заметный «творческий приём» в работе Шолохова над рукописью». Вы полагаете, что Шолохов взял чужую рукопись и очень неумело перетасовал главы, чтобы никто не определил истинного автора произведения? А не известно ли вам, что многие писатели, неоспоримые авторы своих книг, делают то же самое со своими творениями? Процесс творчества очень сложен и неоднозначен.

Вспомните, что писал сам Михаил Шолохов Максиму Горькому в 1931 году по поводу реакции на публикацию «Тихого Дона»:

«... некоторые «ортодоксальные» «вожди» РАППа, читавшие шестую часть, обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков Верх-

него Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предвещающую восстанию... У некоторых собратьев моих, читавших шестую часть и не знающих того, что описываемое мною – исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против шестой части. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворённого в жизнь».

Не кажется ли Вам, господин Самарин, что человек, не писавший роман, не смог бы так хорошо и уверенно его защищать?

Хочу обратить внимание на то, что Шолохов смело выступает против известных в то время писателей, которых он называет вождями, ставя это слово в кавычки. Он не согласен с их «предубеждениями» против шестой части. Между прочим, такой возможности выступать с возражениями против редакторских сокращений не было у Николая Островского. О многих сокращениях своего романа он узнавал уже из публикации. А ведь у него убирали главы или части их тоже по идейным соображениям. Например, была вычеркнута глава, рассказывавшая о том, как Павел Корчагин оказывается исключённым из партии. Редакторы, не то чтобы не знали, что такое случалось на самом деле, но считали ненужным в данном произведении «ослаблять» образ негибаемого коммуниста Павла Корчагина. И что же? Роман с их правками обрёл жизнь и воспитал миллионы людей. Так что, может, они были и правы, внося такие изменения в рукопись непрофессионального писателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.